

Воскресенье - 1994 - 13 апр. - С. 4

РЕВИЗИЯ КАРТОТЕК ЛЬВА РУБИНШТЕЙНА, КОТОРУЮ ПРОВЕЛ САША ПЕПЕЛЯЕВ

Принято считать Льва Рубинштейна поэтом герметичным. Уж что попадет в его поле зрения, то неминуемо изливается при помощи сачка, высушивается над огоньком ироничности и накаливается на булавочку. И в таком виде помещается на одну из его бесчисленных карточек, подразделяющихся и классифицирующихся, и слагающихся в некое множество карточек.

Что и говорить: бывший библиотечкарь, в тиши шелестящий, глядящий на мир как на некую суперпозицию векторов информации. Борода, очки и разночинный свитер - визуальное дополнение его имиджа. "Там человек сгорел" и осталась от него лишь информация - красивая, легкая, остроумная.

...Првда, вдали от эстрады и вблизи от непостороннего наблюдателя Рубинштейн не сколько иной. Но кто об этом знает, кто это видел!.. И, главное, увидеть это можно будет не скоро - лишь в конце года, когда Лев Семенович проживет до основанья выданную ему Берлинской академией искусств стипендию и вернется в Москву.

Однако есть другой способ заглянуть - что же там у Рубинштейна внутри, как там все устроено, посмотреть, не вспарывая плюшевого Левку, воспользовавшись благоприятным моментом отсутствия, постараться забыть цвет глаз и волос, форму бороды, интонации голоса и походку. И остаться наедине с текстом.

Именно таким путем и пошел Саша Пепеляев, ученик Анатолия Васильева. Человек ищущий, он за небольшой промежуток времени успел поработать в Москонцерте, в нескольких московских театрах, в цирке, в кино и на телевидении как в России, так и на Западе. Три года держал театр-кафе "Бедный Йорик". Он и акробат, и мим, и тан-

цовщик, и драматический актер, режиссер и хореограф. Короче говоря, - человек синтетический.

О предыдущей его работе - спектакле "Школа для дураков" (по Саше Соколову), шедшем в Вольном поселении художников Сергея Тырышкина, "ВК" писал прошлым летом. И вот в конце февраля Саша Пепеляев вновь вышел на публику, на сей раз как основатель Кинетического театра. И предъявил свою новую работу - небалет "Время идет", созданный по произведениям Льва Рубинштейна "Время идет", "Меланхолический альбом" и "Маленькая ночная серенада".

Где все это можно было оставить и играть (по субботам и воскресеньям, начало в 19 часов)? Конечно же, не в театре, не на квартире, не на городской площади и не в бане, поскольку не то пространство, не те флюиды, не то время, движущееся непрерывно, а не дискретно, как того требуют условия задачи, условия перелистывания карточек... Именно, именно в библиотеке! Причем в той (если не ошибаюсь), где в свое время работал подвергаемый ревизии, - в библиотеке Союза театральных деятелей России (Страстной бульвар, 10/34), на фоне и при участии до боли знакомых шкафов-каталогов со множеством ящичков, в каждом из которых определен раздел человеческих знаний, в каждом из которых сублимированный набор томов, в каждом из которых... и т.д., и т.п.

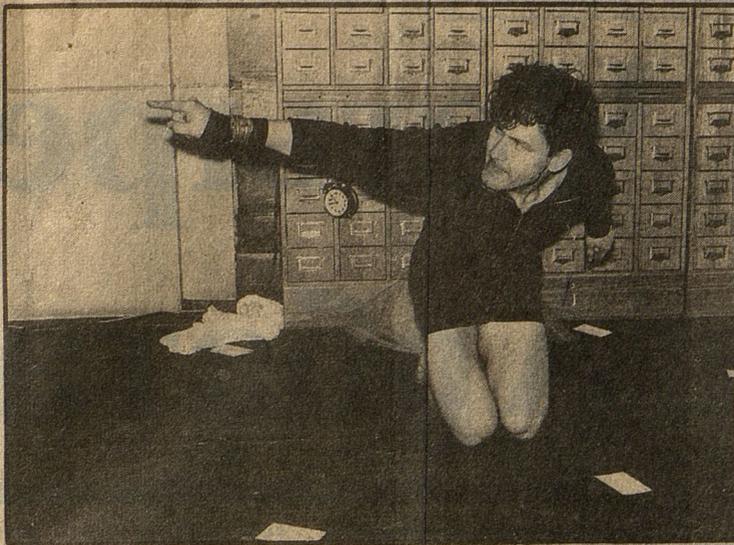
Кстати, эти хранилища не просто стоят у стены, но и играют. Их выдвигаемые ящички то что-то подсказывают герою, то слагаются в ступени, по которым героиня поднимается все выше и выше - то ли к вершинам мудрости, то ли к простому бабушке счастью (нрзб.).

Однако пора уж сказать о герое и о героине. Он, как не трудно догадаться, - Саша Пепеляев, она - Екатерина Хмара, выпускница московского хореографического училища, прошедшая курс танца модерн в Штатах, лауреат двух фестивалей современной хореографии в Витебске. Прежде работала солисткой группы "Свободный балет".

Участвует в спектакле и третье лицо - музыкант Александр Лучков, участник групп "Деревянное колесо", "Последний шанс", "Дым", "Восьмой день". Он играет, если можно так выразиться, свою музыку, и порой, хоть так выразиться и нельзя, "вбрасывает закатившийся за линию мяч" (да-с, таков образ и, как известно, не мы их выбираем, а образы выбирают нас. См. ниже).

И еще: костюмы "Ларе", свет Вячеслава Коржавина.

А теперь, когда никто и ничто не забыто и не забыто, перейдем непосредственно к действию, ибо время идет, Пепеляев и Хмара читают тексты Рубинштейна и танцуют, их пластика современна, парадоксальна и адекватна текстам. Однако, к счастью, это не механическая хореографическая иллюстрация литературного произведения Льва Семеновича, не танец на заданную тему "Время, вперед", простите, идет, точнее - не идет, а лежит в каталожных ящичках и извлекается кусочками по прихоти наблюдателя. Здесь тексты не проигрываются, а ими играют, как, скажем, мячом (см. выше). Или же их помещают в различные интонационно-настроительные среды и наблюдают за преломлением лучей, смотрят - а как здесь поведет себя та или иная строчка: не истает или не взорвется от разности внутреннего и внешнего давлений, будет ли она резонировать в неприличных для нее условиях?

И получаются парадоксальные вещи. Казалось бы, на что старик Рубинштейн (сия фамильярность оправдывается хотя бы фактом совместного обучения в Мытищинской средней школе номер 11) нелиричен. Ан нет, вдруг скрипка зазвучит по-мандолины, начнутся поддержки и воркование - и вот же, вот - есть в Рубинштейне и эти ноты. Есть в нем даже и хрупкость, беззащитность перед внешними разрушительными стихиями, это проявляется, когда тексты переплетаются с определенным рода хореографией. Или когда из рубинштейновских карточек Пепеляев вдруг начинает строить карточный домик - смертельный трюк, достойный истинного демиурга.. Или прекрасный экзерсис с газетой, когда порывы Ее распахнутого сердца разбиваются о броню ушедшего в газетный вакуум Еко, т.е. ушедшего в иную - газетно-информационную - реальность...

И тут начинаешь понимать, что спектакль, который придумал Пепеляев, совершает и иную подстановку. Помимо помещения стихов в различные интонационные среды, он насыщает концептуальные тексты метафоричностью. Во все стороны начинают идти волны смыслов, подтекстов, которые складываются и гасятся, получают биения и стоячие волны (не могу удержаться от самоцитирования: "В стоячих узлах человеческих волн..."). Возникает ситуация, в которой сказать: "Режиссер хотел донести до зрителя то-то и то-то" мог бы лишь человек с психикой, извращенной до неприличия рецензиями на "Сталеваров".

Однако, поскольку выглядеть дураком боится лишь ду-

рак, рискну: "Спектакль повествует о том, что жить ныне невозможно, однако жизнь продолжается и в этих невозможных условиях повсеместной каталогизации время идет, энтропия растет, вечной бой нам только снится, дискретность крепчает, с лесов летает невесом камень - в фартуке выпускном..." И далее, уходя в отголоски эха.

Что же касается вторичных признаков, т.е. всей этой фуде, то исполнительское искусство Саши Пепеляева и Ирины Хмары достойно восхищения и в полной мере характеризуется бурными продолжительными аплодисментами. Это буря и натиск, это елеуловимый шелест ресниц, это более часу самоотдачи и, пардон, ковер, промокий от пота прилежной на него героини. Все взаправду, а не понарошку.

Не лишне вспомнить, что спектакль имеет камерный характер и играется для двух-трех десятков зрителей, что способствует существенной концентрации энергии. Рекламный ажиотаж намеренно не раздувается, поскольку, вопервых, дело это элитарное (не лутать за "бомондным"), а во-вторых, преследует совсем иные цели, чем, скажем, расрубленная деятельность Сергея Соловьева, пару раз спазатизировавшего на Курехин; и Гребеншикове, а таперич заявляющего о том, что "в андеграунде (термин С.С.) он, мол, разочаровался и пошел искать большое и светлое в Вишневом саду".

Что же, всякому фрукту свое время и пространство, демиургу - демиургово, истеблишменту - истеблишментово.

Владимир ТУЧКОВ.
Фото Дмитрия ШАЛГАНОВА.

280